

Татьяна Лутанцева

ВОЗВРАЩЕНИЕ
ВЛУДНОГО СЛМУРЛА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л83

Оформление — *Екатерина Петрова*

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Луганцева, Татьяна Игоревна.

Л83 Возвращение блудного самурая / Татьяна Луганцева. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с.

ISBN 978-5-17-100895-6

Характер, говорят, — это второе счастье. Анжелика Молотова с детства не отличалась тихим нравом, дружила только с пацанами, и без ее участия не обходилась ни одна дворовая драка. К сорока годам бойкая дама успела и в цирке поработать, и в Америке пожить, и закон нарушить. Она даже сотрудничала с полицией. Очередное «секретное» задание привело Анжелику в психлечебницу, и тут же в «желтом доме» начался пожар. Она перессорила всех врачей и свела с ума пациентов-мужчин, и так не очень друживших с головой. Один из поклонников даже поклялся в ее честь совершать... убийства! Анжелике ничего не оставалось, как пересмотреть свои взгляды на любовь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-100895-6

© Луганцева Т.И., 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

*Первый
полет
Карсона*

Глава 1

Лолите Игоревне Тереховой с детства не повезло. Вернее, даже не с детства, а с самого рождения. Прямо с первого дня, когда ее отцу, Игорю Владимировичу Терехову, сообщили, что у его жены, Инги Аркадьевны Тереховой, родилась дочка, а не сын. Игорь Владимирович долго не мог поверить в случившееся злодейство: на свет появился не «наследник престола», не тот, кто должен был доказать его мужскую состоятельность, а никчемное существо.

— Девочка? Нет, не может быть! Потому что просто не-воз-мож-но! Я хотел сына. Всю Ингину беременность я думал только о нем!

Беднягу можно понять. Ведь каждый второй человек на Земле — это женщина, а Игорь Владимирович наверняка пребывал мозгами в фантастической истории, когда все население на Земле было мужского пола и размножалось почкованием. Инкогнито в темном углу, чтобы никто не увидел и не рассмеялся, выпускал «почку» женского рода, чтобы все-таки гордый человек-мужчина когда-нибудь смог получить с ней исключительно физическое удовольствие.

Мужчины получали удовольствие от гонок на дорогах автомобилях, игры в карты, гольф, хоккей, от употребления до-

Матьяна Луцанцева

рогого коньяка, виски, курения трубки, сигар, путешествий, просмотра «Формулы-1», зарабатывания денег и еще много от чего в жизни. Наслаждение женщиной входит в этот перечень. Но чтобы получать удовольствие, надо иметь мозги, а по твердому убеждению Игоря Владимировича, мозгов у женщин изначально не наблюдалось. Так чего ждать?

— Ты зачем мне это родила? — в который раз спрашивал он у жены. — За что так наказала?

— Извини, так получилось, — вздыхала Инга Аркадьевна. — На кассе поменять нельзя было, и силой мысли пол ребенка тоже не изменить.

Быстро поняв, что, родив дочь, не будет счастлива с этим идиотом, она ушла от него. Да что там говорить, сделала это прямо в роддоме. Держась одной рукой за стенку, а другой качая ребенка, позвонила домой:

— Извини, дорогой, что не оправдала твоих надежд. Собери свои вещички и отправляйся к маме. Чтобы мы вернулись, а тебя уже не было. У тебя, видимо, аллергия на розовый цвет, а у нас теперь все будет розовое и красное. Так что сваливай, пока не поздно!

Игорь Владимирович немного посопротивлялся, то есть попытался «сохранить лицо при плохой игре», но ко дню выписки жены и дочери из родильного дома его как ветром сдуло. Инга Аркадьевна хоть и бодрилась, но такого свинства от человека, с которым была знакома много лет, все же не ожидала. Думала, он испугается, еще и прощения попросит, да и к дочке привыкнет. Но этого не случилось, и Инге пришлось справляться со всем самой, закусив губу и собрав волю в кулак.

Остаться без продуктов во времена тотального дефицита, с низким заработком, с ребенком на руках было

Прерванный полет Карсона

очень тяжело. Государство могло позволить мамочке посидеть с ребенком только несколько месяцев, а потом снова к станку, к конвейеру, к выполнению плана, к сдаче больших норм в закрома родины. Да и народ смотрел косо на мать-одиночку.

У Инги Аркадьевны, и этого следовало ожидать, на нервной почве пропало молоко. Начались сплошные проблемы, так как ребенка не с кем было оставить. Все родственники в виде бабушек и дедушек имелись со стороны сбежавшего мужа и отвалились вместе с ним. Инге приходилось брать с собой дочку нескольких дней-недель-месяцев от роду и таскаться с ней на молочную кухню, где она отстаивала огромную очередь и в снег, и в дождь, чтобы взять питание, потому что больше кормить девочку Инге было нечем.

Самое страшное начиналось, когда кто-то из них заболел, а Лола болела очень часто. Девочке все время ставили «снижение иммунитета»: еще бы, с таким питанием... С высокой температурой в мороз Инга Аркадьевна не могла пойти на молочную кухню, и Лолита оставалась голодная.

Кричала она как сумасшедшая. Инга Аркадьевна закрывалась в ванной и затыкала уши, чтобы не слышать дочь. Она, со своей зарплатой библиотекаря, тоже голодала, но слышать, как кричит от голода маленький ребенок, было невозможно. И главное, Инга не знала, у кого просить помощи и что делать.

— Не надо было рожать... Не надо было рожать... — раскачиваясь, сидя на краю ванны, словно заклинание, повторяла Инга.

Обвинить ее, что в свои двадцать семь лет — уже не девочка — она не подумала и родила ребенка в нечелове-

Татьяна Луизицева

ческих условиях, тоже было нельзя. Инга не могла предвидеть заранее, что при известии о рождении дочери муж бросит ее, оставит без всякой помощи, что у нее пропадет молоко, а ребенок часто будет болеть. Об этом не думают и даже не предполагают, что такое может случиться. Вообще не думают, чтобы не привлечь этот негатив к себе, ведь мысли, по мнению некоторых, имеют тенденцию материализоваться.

А сейчас ей не хватало времени, денег на лекарства, помощи и много чего еще. Инга даже поймала себя на мысли, что жалеет, что Лолита родилась, ведь бедняжка так мучается! Какое у них с дочкой будущее? Нищета? Скорее всего, да, на ее зарплату библиотекаря в шестьдесят рублей, в тесной двухкомнатной смежной хрущевке.

Инга ужасно переживала за здоровье дочери: Лола не вылезала из соплей, гнойных отитов и кашля. А на лекарства у Инги Аркадьевны средств не было. И ее охватила жесточайшая депрессия. Только в те времена об этом не говорили, таких слов не знали. Просто могли посчитать мамашей-растяпой.

На нее везде, и во дворе, и в поликлинике смотрели не с сочувствием и желанием помочь, а с осуждением, потому что быть матерью-одиночкой по той, социалистической морали считалось недопустимым, словно она этого ребенка нагуляла от маньяка-людоеда.

Работала Инга в небольшом коллективе, коллеги пребывали в такой возрастной группе, что ждать помощи от них не приходилось. Сами еле сводили концы с концами. Соседи тоже не горели желанием помочь молодой маме. Рядом, например, проживала очень старая, одинокая и сильно пьющая женщина, смысл жизни которой по-

Прерванный полет Карсона

коился на дне водочной бутылки. Она почти все время лежала без сознания в алкогольном опьянении.

От такой тяжелой жизни Инга даже решила унизиться и позвонила бывшему мужу. Хотела попросить хоть немного денег на содержание ребенка. Но ей ответил веселый, молодой женский голос. Обладательница этого голоса радостно заявила, что Игорь велел передать: никакую Ингу он знать не знает, нечего сюда звонить. А если она хочет унижений еще и в суде, пусть подает в суд.

Недосыпание, недоедание и, главное, отчаяние привели Ингу Аркадьевну к невеселым мыслям о бессмысленности своего существования. И она искренне захотела умереть: именно такой вот исход нашла в сложившейся ситуации.

Не было тогда психологов и психотерапевтов, за денежку выслушивающих пациентов об их трудностях бытия, о переживаниях и дающих дельные советы и успокоительные таблетки. В те времена к психотерапевту на прием можно было попасть только на «скорой помощи», когда тебя отвезут в психушку. А там уж с тобой и твоей психикой делали что захотят. Да и лекарства были не современные, щадящие, а конкретно превращающие даже самые прыткие мозги в спокойное состояние овощей на грядке, ждущих следующей дозы. А еще в распоряжении сотрудников больниц был электрический ток и выдавшие виды ремни, которыми можно было привязать к койке.

Именно туда и доставили Ингу Аркадьевну с острым психическим расстройством, когда она попыталась свести счеты с жизнью в московском метро.

— Я не смогла, я не сумела, — в полубреду твердила она. — Я ничтожество, я должна была, так еще хуже... Отпустите меня... насовсем.

Матьяна Луцанцева

— Все будет хорошо, — ответили медики и вкололи сильнейшее снотворное: что называется, «и тебя вылечим». — Медикаментозный сон, электрошоковая терапия и «вязка», — скомандовал психотерапевт.

Так поступали со всеми самоубийцами. С ними не церемонились, особенно в те времена. И молчали об этом, потому что советский человек изначально всегда был счастлив и рад, что родился в Советском Союзе. А если вдруг ты не захотел жить в этой самой лучшей стране мира, тебя объявляли психом и начинали серьезно лечить.

Но с молодой отчаявшейся женщиной все было не просто, а ужасно. В ее двухкомнатной квартире не в самом элитном районе Москвы, а точнее, на самой окраине, в кроватке лежал беспомощный шестимесячный ребенок, который уже устал плакать. Отчаянного плача малышки никто не слышал: соседка, как всегда, пребывала в алкогольных бреднях. Инга сожалела только о том, что не смогла убить дочь перед тем, как сама решилась на этот шаг, и оставила ее умирать мучительной смертью. Но ей уже что-то вкололи в вену, речь стала невнятной, да ее никто и не слушал, и она поплыла по волнам тяжелого медикаментозного сна.

Вот так жутковато началась эта история и жизнь маленькой Лолиты Игоревны.

Глава 2

Нина Михайловна Озерская к тридцати годам стала фактически легендой, звездой, как сейчас говорят, советского кино. Актерскую карьеру начала очень рано, играя девочек-пионерок, эдаких активисток, затем плавно пе-

Прерванный полет Карсона

решла на отважных комсомолок, ждущих своих парней из заводских цехов, пашен или забоев с лебединой верностью. Она много снималась в военных фильмах и была очень любима народом и членами руководящей партии, то есть главными руководителями страны, что немало важно.

Ее узнавали все от мала до велика. Неведомо людям было только одно — что экранный образ красавицы в корне отличается от оригинала. Между ними была целая пропасть! Просто огонь и вода, черное и белое.

Нина была абсолютной стервой. Грубо общалась с людьми, хамила, могла и пунуть тем, что под руку подвернется, в кого-нибудь из съёмочной группы. Но подобные выкрутасы, как правило, заминались. Она пила, курила, участвовала в закрытых оргиях партработников и элиты от культуры.

Насчет нескончаемой череды ее мужчин ходили легенды. Ее любовниками становились все, на ком она хоть однажды останавливала любопытный взор. Нина рано познала изнанку жизни и уже к двадцати пяти годам навсегда распрощалась с волшебным словом «любовь». Это была расплата за циничный подход к жизни, нормальным человеческим отношениям. Она поняла: пока молода, надо использовать мужчин. Для этих целей она выбирала исключительно высокопоставленных лиц, режиссеров и других представителей сильного пола, имеющих статус и деньги. Поговаривали, ее любовником был даже член Политбюро.

Все эти возрастные и статусные мужчины были давно и хронически женаты и не могли уйти от жен, из официальных семей: никто бы не одобрил по партийной линии

Матьяна Луизицева

жену-артистку. Поэтому Нина смирилась с вечным статусом любовницы, но и брала за это по полной. Машины, шубы, золото, дача, квартира в элитном доме, а также поездки за границу, круглосуточный доступ в валютные магазины «Березка», отоваривание в закрытых секциях. Нина имела популярность, славу, съемки в самых лучших фильмах. Хотя в этом случае желание богатых спонсоров совпадало с желанием режиссеров и, главное, с желанием зрителей постоянно видеть на экране свою любимую актрису. Они-то не знали, что талант талантом, а вынести ее скверный характер для съемочной группы — дело очень сложное, доходило порой до нервных срывов. По современным меркам в райдер надо было бы включить еще и несколько литров валерьянки и пустырника, чтобы все дожили до окончания съемок в полном уме и здравии. Но результат на экране оправдывал все ожидания, и это тоже истина. Таланта этой стерве хватало!

Жизнь Нины состояла из бесконечных любовных встреч в лучших гостиницах, постоянных гулянок в ресторанах. У нее случились пять незапланированных беременностей. Обеспокоенные любовники тут же устраивали ее в кремлевскую клинику на аборт. И ей по волшебному слову «блат» делали аборт под наркозом, тогда как над миллионами советских женщин издевались «на живую». Еще бы! Нечего беременеть в стране, где нет секса! А уж если имела наглость получить удовольствие с любовником, а не с мужем, и забеременела, рожай стране рабочего или крестьянку. Не хочешь рожать — пройди унижительные круги ада, чтобы в дальнейшем неповадно было!

На пятый раз, еле выведя Нину из наркоза, главный врач гинекологического отделения с прискорбным выра-

Первый полет Карсона

жением сообщил, что она больше не сможет иметь детей из-за возникших серьезных осложнений. Он ожидал от актрисы любой реакции: гнев, горе, разочарование, отчаяние... Но услышал абсолютно спокойное:

— Слава богу, теперь смогу вести привычный образ жизни и не делать аборты! Спасибо, доктор. Чего я в жизни точно никогда не хотела и не захочу, так это ребенка. Все складывается удачно!

Нина понимала, что не «потянет» ребенка, потому что не изменит свой образ жизни даже ради него, и дети ей противопоказаны априори. Она не любила их и нисколько при этом не кривила душой. Раскручивать «старперов» и «толстосумов» ради развлечения — вот главное в жизни, после работы, конечно.

Женщина она была сногсшибательной красоты, по виду настоящая колдунья. Черные длинные волосы, темные порочные проникновенные глаза. Фигура у Нины тоже была что надо... И все равно: любовница — да, мать — нет!

На съемках нового фильма произошел случай. В перерыве между съемками Нина зашла в номер к своему партнеру, начинающему артисту Грише, молодому и красивому парню, и без предисловий отдалась ему. Так, для разрядки. А этот олух влюбился в нее без памяти, размечтался на что-то большее и очень удивился, когда на следующий день Нина даже не поздоровалась. Молодой человек потребовал объяснений, скандалил, бился в истерике. А она спокойно послала его подальше, с трудом вспоминая имя незадачливого любовника.

Григорий вскрыл себе вены. Когда Нине сообщили об этом, она только плечами пожала:

Матьяна Луизицева

— Идиот!

— Он это сделал из-за тебя, — возразили ей. — Прояви хоть каплю человечности!

— И не он один, были уже психи. Мне что, за всех психов замуж надо было выходить? — хмыкнула Нина.

— Нельзя быть такой бессердечной! Это уже переходит все границы! Побойся бога!

Так, под давлением общественности и бога, что было весьма странно для того времени, Нина все же пошла в психиатрическую лечебницу навестить неудачника и, главное, попытаться образумить его, чтобы не повторил свои безумные поступки.

Где бы Нина ни появлялась, народ сбегался поглазеть на яркую, модно одетую женщину. Немногие во времена Союза могли себе позволить так шикарно одеваться, как она. Энергия, исходившая от актрисы, прошивала окружающих насквозь. А вхожа товарищ Озерская была в любые учреждения без пропуска благодаря своим колоссальным связям и бешеной популярности.

В больнице ее встретили более чем приветливо. Всеобщее «Ах!» раздавалось везде, где Нина появлялась. Высокая, яркая, красивая, в духах и золоте, словно из сказки, из той жизни, что большинству советских граждан даже сниться не могла.

Ее в мехах и золоте пропустили в отделение суицидов к Грише, чуть ли не расстелив ковровую дорожку, хотя вход туда был закрыт для всех.

— Ну и дурак же ты, — с порога заявила Нина, ставя на тумбочку сумку с апельсинами.

— Ты пришла, пришла! Как же я рад тебя видеть!

Прерванный полет Карсона

Какое счастье! Это все стоило того! Дорогая, как ты прекрасна! Я знал! — истерил Гриша, в то время как Нина сохраняла абсолютное безразличие. — Я не верил! Я до конца не верил! И вот ты здесь! Богиня, как же идет белый халат твоей коже и глазам! Ты сногшибательна! Я сделаю это с собой снова и снова ради возможности увидеть тебя! — Молодого человека в больничной одежде с перебинтованными запястьями трясло от возбуждения.

Нина с пренебрежением окинула взглядом скудную обстановку палаты и железную кровать с висящими на ней четырьмя ремнями.

— Фи, ну и обстановочка. И стены мягкие... Это чтобы такие идиоты, как ты, не разбили себе голову? А если она у тебя уже повреждена? — Она брезгливо присела на кровать, подняв белье вместе с матрасом и отряхнув руку.

— Зачем ты так? Я же из-за тебя! Я не могу, не могу, любимая...

— А я просила об этом? Ты зачем так меня подставляешь?

— Ниночка, я слеп от любви. Я, наверное, виноват...

— Оглох и отупел, и виноват, — кивнула она. — Короче, Склифосовский, приходи в себя, жуй апельсинчики и выходи на волю с вправленными мозгами. А то про меня уже такие слухи ходят — врагу не пожелаешь. Будто я людей на съемках съедаю не запивая. Я не хочу, чтобы мне еще и доведение до самоубийства впарили.

— Ниночка...

— Подбери слюни, слюнтяй! Не мужик, а черт знает что! И чтобы этого больше не повторилось, смотри

